

Что же можно ожидать в недалеком будущем?

Социальные прогнозы на ближайшую, средне- или долгосрочную перспективу опираются на экспертную оценку вероятности того или иного сценария социально-экономических трансформаций. Мой *среднесрочный прогноз* в качестве такой опоры принимает во внимание исследования большого коллектива авторов книги, которая, надеюсь, скоро будет опубликована (*Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ* / Под ред. В.Ядова), и дискуссии на этом симпозиуме.

По фундаментальным социетальным показателям состояние, в которое "пришла" к началу нового тысячелетия Россия, можно характеризовать следующим образом.

В экономике — стагнация индустриального общества при том, что в будущем предстоит прорыв к обществу постиндустриальному (О.Лацис), т.е. такому, в котором затраты на производство средств жизнеобеспечения уступают затратам на научные разработки, информационные сети, развитие культуры и образования.

В современной России основные ресурсы государства направлены на поддержание и развитие промышленности и технологий ушедшего века, так что новым поколениям предстоит осуществить разворот в направлении "постиндустриализма".

В политической системе доминирует этатизм: государственные институты довлеют над гражданскими, гражданское общество находится на старте формирования. По уровню "прозрачности" новых правил Россия резко отстает от Центрально- и Восточноевропейских, а также и Балтийских стран, а по уровню коррупции — столь же резко их обгоняет (Пал Тамаш)¹.

В государственном устройстве наблюдается тенденция к унитаризму и сдерживанию процессов демократического федерализма с достаточной автономией субъектов федерации, включая муниципальные органы самоуправления², а также, что особо важно, этнонациональные образования внутри субъектов федерации. Между тем существенные различия в экономическом и социально-

¹ Глава из названной выше книги

² Аналитический доклад А.Талкина по итогам исследования Фонда "Горбачев-Калгари".

культурном ресурсах продвинутых субъектов федерации, с одной стороны, и "догоняющих", дотационных — с другой, требуют адекватного федерального устройства, которое, очевидно, и предстоит легитимировать в будущем.

В демографических процессах — стабилизация неблагоприятных показателей здоровья населения, низкой рождаемости и достаточно высокой смертности (В.Переведенцев и др.¹).

В социальном поле — высокий уровень имущественного и общекультурного расслоения, низкий уровень социальной защиты. Распад экономического пространства бывшего СССР, несоизмеримая доля ВПК, природно-ресурсно-центрированные доходы от экспорта, региональные неравенства и, возможно, одна из основных причин — российская модель приватизации государственной собственности — привели к резкому социальному расслоению и крайне неустойчивому формированию средних слоев населения.

В культуре и образовании — тенденции к увеличению разрыва между населением "столиц" и "провинции" (Л.Гудков, Б.Дубин²).

В идеологии и системе ценностей новых поколений — раскол на традиционалистов и прозападников³.

В сфере повседневной жизни (семья, гендерные порядки) — тенденции достаточно заметной "модернизации" в крупных городах и неорационализм в базовых слоях населения (Е.Здравомыслова, А.Темкина⁴).

В геополитической стратегии государства — прагматизм, т.е. долгосрочная политика не сформулирована и вряд ли может быть жестко определена не только по причинам внутрироссийских процессов, но и вследствие нестабильного состояния миросистемы, особенно в связи с американо-английской акцией в Ираке.

В гражданской самоидентификации предстоит противоречие и травматическое преодоление имперского и великодержавного синдрома. Можно предположить, что этот процесс будет "дуальным". В политическом миросистемном пространстве Россия продолжит укреплять свое положение великой державы в силу своих территориальных размеров, евразийского положения и ядерного потенциала. Вместе с тем, учитывая невысокие темпы ее экономического развития на фоне динамического наращивания экономического потенциала стран "ядра" миросистемы, россиянам придется преодолеть культурно-символический "великодержавный синдром".

По данным нашего 10-летнего общенационального мониторинга идентификационных процессов, доля тех, кто выбирал суждение "Я постоянно или часто ощущаю себя человеком без будущего", в

¹ Материалы симпозиума.

² Там же.

³ Данные массовых опросов ВЦИОМ и ФОМ.

⁴ Материалы симпозиума.

начале 1990-х годов составляла 70%, в 1998 г. (до августовского кризиса) — 22, в 2002 г. — всего лишь 14%.

Из всего сказанного можно заключить, что *российское общество приблизилось к завершению "переходного периода", т.е. выходит из состояния, при котором возможны непредвидимые повороты в динамике социума. Оно вступает в такую фазу социальных изменений, в которой социально-системные процессы достаточно инерционны и в среднесрочной перспективе вполне предсказуемы.*

Но самое существенное для России — обрести то, что русский философ В.Соловьев назвал собственным "органичным" путем развития. Такая модель трансформационных процессов предполагает становление социальных институтов, адекватных миросистемным процессам, с неперменным удержанием российских историко-культурных традиций. Трансформация социума — не то же самое, что революция, радикально отвергающая прошлое. Задача сложнейшая, так как все предшествующие "судьбоносные" повороты в нашей истории (реформы Петра I, столыпинские реформы, Октябрь 1917 г., горбачевская перестройка), равно как и современная реформация, были инициированы "сверху" и осуществлялись путем непомерных для большинства населения материальных, социальных и личностных потерь.

Социальная история не знает универсальных выверенных рецептов решения общественных проблем. Тем более если эта история делается у нас на глазах, и мы сами — ее активные участники. Тем не менее знание многообразных факторов, совместное действие которых и производит перемены в жизни народов и государств, повышает вероятность обдуманных действий и поступков, помогает минимизировать риски, придает больше уверенности в будущем отечества.